

УДК 81'373

ОКСЮМОРОН В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТОВ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

С.В. Супряга

*Кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и методики дошкольного и начального образования
e-mail: supriaga@mail.ru*

Курский государственный университет

В статье ставится проблема изучения лингвистических и стилистических особенностей оксюморона как частного проявления антонимии. Оксюморон рассматривается в поэзии «серебряного века» с точки зрения его грамматической природы и стилистических возможностей. Приводятся контексты, в которых оксюморон служит средством создания алогизма и других стилистических фигур и приемов, определяется частеречная соотношенность компонентов оксюморона и представлены примеры в соответствии с конкретными моделями словосочетаний.

Ключевые слова: оксюморон, антонимия, поэзия Серебряного века, стилистический прием, фигура речи.

Введение

Осип Мандельштам поразительно точно сказал о своих современниках – поэтах, вошедших в русскую литературу конца XIX–начала XX века: «Ведь это все русские поэты не на вчера, не на сегодня, а навсегда. Такими нас не обидел бог» [Мандельштам 1987а: 44]. Николай Бердяев назвал этот период российской истории «русским культурным ренессансом» и «серебряным веком» [Бердяев 1935] по аналогии с другим коротким периодом русской поэзии – «золотым веком».

Серебряный век – это не просто хронологический период или же совокупность литературных течений – это образ мышления творческих людей, составивших единую гармоничную плеяду, это специфическая атмосфера, царившая в обществе на рубеже XIX–XX веков.

Отметим, что литература исследуемого периода долгое время не издавалась в нашей стране и только в конце 90-х годов XX века мы получили возможность познакомиться с ней и открыли для себя ее оригинальность и многообразие. Для творчества поэтов Серебряного века характерны поиски новых форм, ярких образов, уникальных средств выражения, «погружение» в стихию слова и ритма. И не последнее место среди различных стилистических приемов, используемых в их творчестве, занимают антитеза и оксюморон как разновидность антонимии. К тому же само явление «оксюморон», с чисто лингвистической точки зрения, очень интересно, тем более что многие великие мастера слова довольно часто

прибегают к нему в своем творчестве для выражения глубоких мыслей и ярких чувств.

Материалы и методы

В настоящей публикации мы рассмотрим оксюморон в поэзии Серебряного века как частное проявление антонимии с точки зрения его грамматической природы и стилистических возможностей. Предметом изучения стали лирические произведения отечественных авторов, творивших на рубеже XIX–XX веков: А. Ахматовой [Ахматова 1985, 1990, 1998], Н. Гумилева [Гумилев 1989], М. Цветаевой [Цветаева 1989, 1992], О. Мандельштама [Мандельштам 1987а; 1987б], И. Северянина [Северянин 1990, 1991], С. Есенина [Есенин 1968, 1978, 1991], А. Блока [Блок 1971, 1973, 1980], В. Маяковского [Маяковский 1977, 1988], К. Бальмонта [Бальмонт 1989], В. Брюсова [Брюсов 1991] и других [Серебряный век... 1993].

Примеры извлекались из текстов методом сплошной выборки.

Из 358 контекстов, где была зафиксирована антонимия, к явлению оксюморона мы отнесли 175.

Результаты

Разнообразие стилистических функций лексических антонимов определяется тем, что их использование в речи позволяет сделать ее выразительнее, образнее, помогает описать с разных сторон те или иные предметы, их качества, явления, действия. Антонимы можно встретить в составе антитез – «стилистических фигур, построенных на резком противопоставлении слов с противоположным значением» [Словарь литературоведческих терминов <http>]. Например, в поэзии Серебряного века можно встретить такие строки: «Сойдя во мрак, умрет – и оживет она» (В. Ходасевич «Ласточки»); «И в раздолье, на воле неволя...» (А. Белый «Родина»).

Антонимия может использоваться и как средство создания комического эффекта, игры слов, каламбуров или же помогает автору выразить иронию. Например, читаем у И. Северянина:

«Я презираю вас пламенно,
Тусклые ваши сиятельства»

(«В блестящей тьме»).

На основе антитезы строится и еще один стилистический прием, противоположный антитезе, который состоит в «отрицании антонимов», в отталкивании от крайних степеней какого-либо качества.

Сравним:

«...Липнешь, стынешь, как смола,
Не жива и не мертва...»

(Ф. Сологуб, «Триолеты»);

«А тут не знай *ни зим, ни лет,*
Сиди рисуй плакаты»

(В. Маяковский, «Необычайное происшествие...»).

Часто антонимы служат обрамлением группы слов, характеризующих градацию какого-нибудь качества. Антонимы в таком случае реализуют контрарную противоположность [Новиков 1985], обнаруживая градуальные (ступенчатые) оппозиции [Касаткин 1995]: «...Клеймят, кто *стар*, клеймят, кто *молод*..» (В. Брюсов, «Тридцатый месяц»); «О, *копеечная!* О, *великая!*..» (В. Маяковский, «Ода революции»), «Вокруг меня снуют и *старые*, и *молодые* лица» (С. Есенин, «Русь советская»); «В ней *осень*, ей нужна *весна*» (К. Бальмонт, «Замок Джэн Вальмор»); «Солнце, сожги *настоящее*, во имя *грядущего*, но помилуй *прошедшее!*» (Н. Гумилев, «Молитва»).

Во многих поэтических контекстах наблюдается комплементарность антонимических пар, то есть противопоставленные по своей семантике лексемы дополняют друг друга до единого целого. То есть если мы отрицаем одно из называемых явлений, то это дает нам значение другого. Например:

«Полюбил *богатый* – *бедную*,
Полюбил *ученый* – *глупую*,
Полюбил *румяный* – *бледную*,
Полюбил *хороший* – *вредную*»

(М. Цветаева, «Полюбил богатый – бедную»);

«...Больше, чем *рифмованные* и *нерифмованные*
Речи о земле и о небе»

(А. Блок, «Когда вы стоите на моем пути»);

«Миг *правды* дает за *обман*»

(К. Бальмонт, «Гимн солнцу»);

«Будем молиться всегда *неземному*
В нашем хотенье *земном*»

(К. Бальмонт, «Будем, как солнце»);

«В слабом сердце человека
Правда с *ложью* сочтены»

(Д. Мережковский, «Парки»);

«*Чужбина*, *родина* моя!»

(М. Цветаева, «Родина»);

«К вам всем – что мне,
ни в чем не знавшей меры,
Чужие и *свои?!*»

(М. Цветаева, «Уж сколько их упало в эту бездну»);

«Вечно *подвластная*, вечно *свободная*»

(Н. Минский, «Волна»);

«О, *сказкой* ставшая *поблекнувшая быль!*»

(К. Бальмонт, «Лесной пожар»);
«Виновных нет: все люди *правы...*»

(И. Северянин, «Весенний день»).

Комплементарную противоположность в этих контекстах образуют в основном видовые понятия, в сумме друг друга дополняющие и составляющие в своем диалектическом единстве родовое понятие. Такие антонимы по своему характеру являются предельными, они не имеют среднего, промежуточного звена (этим они отличаются от контрарных понятий).

И все-таки важнейшим и интереснейшим со стилистической точки зрения приемом, строящимся на сопоставлении антонимических значений, можно считать именно оксюморон (оксиморон). В «Кратком справочнике по современному русскому языку» П.Л. Касаткина, Е.В. Клобукова, П.А. Леканта (в статье «Антонимы») находим такое толкование данного термина: «Соединение в художественной речи в одном словосочетании или предложении слов, несовместимых по значению и связанных друг с другом подчинительной зависимостью, называется *оксюморonom* (греч. *οξυμῶρον* – остроумно-глупое)» [Касаткин 1995].

Антонимы используются нередко для изображения противоречивой сущности какого-либо явления, а соединение противоположных по смыслу слов (оксюморон) приобретает исключительную образность.

Оксюморон, как уже было сказано выше, основан на соединении логически несовместимых понятий, которые «взаимоисключают» друг друга, по смыслу противоречат друг другу.

Например:

«Поставьте, *невольники воли*
Шалаши у дворцов, как бывало»

(В. Брюсов, «Грядущие гунны»);

«...Когда, *замедлив, торопила*
Ты легкий, предвечерний шаг»

(А. Блок, «Твое лицо бледней, чем было...»);

«*Горизонты вертикальные*
В шоколадных небесах»;
«Призрак *льдины огнедышащей*

(В. Соловьев, «Пародии на русских символистов»).

Вполне естественно, что поэты, с таким успехом использовавшие в своем творчестве различные виды антонимов, особое предпочтение отдавали оксюморону.

Например, символист В. Брюсов в стихотворении «Творчество» использует такой оксюморон:

«Фиолетовые руки
На эмалевой стене
Полусонно чертят звуки

В *звонко-звучной тишине*».

А. Ахматова в лирическом произведении «И странный спутник был послан адом» пишет: «В нем *смерть* цвела какой-то *жизнью* черной...».

Полагаем, что нельзя определять языковую природу оксюморона просто как обычную игру слов, поскольку он «в лингвистическом отношении представляет собой парное сочетание слов, основы которых находятся в антонимических отношениях» [Новиков 1973].

Если с этой точки зрения посмотреть на поэзию конца XIX – начала XX века, то нетрудно провести условное членение при описании используемых в текстах оксюморонов с точки зрения частеречной принадлежности.

Так, оксюморон может строиться на сочетании прилагательного и существительного, наречия и прилагательного, глагола и существительного, наречия и глагола, а также на соединении слов одной части речи.

Наиболее употребительными являются сочетания существительного и прилагательного, например:

«Какой раскол в стране!

Какая *грусть* в кипении *веселом!*»

(С. Есенин, «Русь уходящая»);

«А на закат наложен

Был *белый траур* черемух...»

(А. Ахматова, Из цикла «Юность»);

«И да будет вам *ночь – светла!*

Ледяной костер, огневой фонтан!»

(М. Цветаева «Что другим не нужно – несите мне!»);

«Будет *светел мрак* и грех прекрасен...»

(А. Ахматова, «Из набросков к трагедии “Пролог”,
или “Сон во сне”»);

«Мою *бесславную славу* Осиянным забвением смой»

(А. Ахматова, «Тяжела ты, любовная память»);

«И поет, поет постылый

Бубенец нижегородский

Незатейливую песню

О моем *веселье горьком*»

(А. Ахматова, «Сколько раз я проклинала»);

«*Горькой* было мне *усладой*

Счастье вместо долга»

(А. Ахматова, «Другая песенка»);

«Я презираю вас пламенно

Тусклые ваши *сиятельства*»

(И. Северянин, «В блестящей тьме»).

В таких сочетаниях обычно определение семантически противоположно определяемому слову.

Сочетания существительного и глагола также встречаются довольно часто:

«*Два солнца стынут* – о господи, пощади!..

И то остынет первым, что горячей»

(М. Цветаева, «Два солнца стынут»);

«*Тешил – ужас.*

Грела – вьюга»

(А. Ахматова, «Лишняя»)

(здесь мы видим и контекстные антонимы);

«Какой-нибудь предок мой был *скрипач*,

... И почему-то я поняла,

Что он – *не играл на скрижке!*»

(М. Цветаева, «Какой-нибудь предок мой был скрипач»);

«И ввек *говорить* не устанет

Пустая её *тишина*»

(А. Ахматова, «Хвалы мне не по чину»);

«У *нищего прошу на хлеб.*

Богатому даю на бедность.

...Грабителью вручаю ключ,

Белилами румяню бледность»

(М. Цветаева, «Мой день беспутен и нелеп»);

«И вокруг тебя *запела тишина...*»

(А. Ахматова, «Полночные стихи»).

Обычно в таких сочетаниях действие противопоставляется субъекту.

Теперь обратимся к оксюмору, представленному сочетанием «глагол + наречие»:

«И *жаловался весело* и грустно

О радости небывшей говорил»

(А. Ахматова, «Эпические мотивы»);

«Умел так *сладко рыдать...*»

(А. Ахматова, «Любовь»);

«Смотри, ей *весело грустить*,

Такой нарядно обнаженной»

(А. Ахматова, «Царскосельская статуя»).

Реже встречаются сочетания «причастие + существительное»:

«Вдруг вижу – из ночи туманной,

Шатаясь, подходит ко мне

Стареющий юноша...»

(А. Блок, «Двойник»);

«Мы, увенчанные позором...»

(А. Ахматова, «Поэма без героя»),

а также «существительное + существительное»:

«...Но длилась *пытка счастьем*»

(А. Ахматова, «Северные элегии»);

«В *провале без глубин* –

Как *живется, милый?*..»

(М. Цветаева, «Попытка ревности»);

«Потому никому не *рассыпать*

Эту *грусть смехом* ранних лет»

(С. Есенин, «Этой грусти теперь не рассыпать...»).

Находим в поэзии Серебряного века оксюмороны, построенные как сочетания «спрягаемая форма глагола + причастие»:

«Четырежды *состарюсь* – четырежды *омоложенный*»

(В. Маяковский, «Про это»);

«спрягаемая форма глагола + деепричастие»:

«Я *изменю* тебе, – как той,

Не изменяя, не лукавя...»

(А. Блок, «Всю жизнь ждала. Устала ждать...»).

Рассмотрим пример оксюморона, построенного по модели «существительное + наречие»:

«Я *пью* за *разоренный* дом,

За *злую* жизнь мою,

За *одиночество* *вдвоем*»

(А. Ахматова, «Последний тост»)

В лирических произведениях Серебряного века встречаем и другие оксюморонные сочетания, например:

«Вам все *вершины* были *малы*

И *мягок* самый *черствый* хлеб...»

(М. Цветаева, «Генералам двенадцатого года»),

где противопоставлены два качества предмета.

Или возьмем другой пример у той же М. Цветаевой:

«И мне тогда на земле

Не было места,

Мне и тогда на земле

Всюду был дом».

(М. Цветаева, «Искательница приключений»).

Здесь противопоставлены целые фразы. Можно увидеть в этом контексте отрицательный параллелизм.

Кроме того, например, В. Маяковский, со свойственным ему стремлением к словотворчеству, сумел расширить рамки оксюморона до словообразовательного уровня:

«Любящие Маяковского!» –

Да ведь это ж династия
на сердце сумасшедшего
восшедших цариц

(В. Маяковский, «Облако в штанах»);

«Берут Добролюбова
(чтоб зло ненавидеть)»

(В. Маяковский, «Люблю»).

Находим подобный пример и у М. Цветаевой:

«Обеим бабкам я вышла – внучка:

Чернорабочий и белоручка»

(М. Цветаева, «У первой бабки – четыре сына...»),

и у И. Северянина:

«Тебе лишь сладко мне сказать «невесточка» –

Здесь браконенависть – браколюбовь»

(И. Северянин, «Фелиссе Круут»).

Кроме того, оригинальность стиля В. Маяковского подтверждается и многими яркими чисто лексическими примерами оксюморона, то есть антитеза содержится только в содержании всей фразы, например:

«Я с сердцем *ни разу до мая не дожили,*

а в прожитой жизни

лишь *сотый апрель есть»;*

«Видите – спокоен как!

Как *пульс покойника»;*

«Мама! Ваш сын

прекрасно болен»

(«Облако в штанах»).

Видимо, в последнем случае поэт исходил из фразеологического сочетания «прекрасно себя чувствует».

Обсуждение результатов

Итак, оксюморон в данной публикации рассматривается как «языковое средство, обеспечивающее алогизм контекста на основе противоречия между лексическими единицами, входящими в его состав» [Яшина 2010: 286], определяется частеречная соотнесенность компонентов оксюморона в контексте. Как было сказано выше, антонимия лежит в основе антитезы, т.к. позволяет зафиксировать противоположные понятия в их диалектическом единстве, чтобы точнее раскрыть сущность

обозначаемого явления. Сравним у В. Ходасевича: «Пора не быть, а пребывать, пора *не действовать, а спать*» («Из дневника») или у М. Волошина: «Тому, кто *зряч*, но светом дня *ослеп*» («Звездный венок»). Антонимия также может выступать в лирических произведениях как средство создания комического, например, игры слов, каламбуров и т.п.

Заключение

Придерживаясь широкого понимания антонимии (так как узкое не учитывает в полной мере всех возможностей выражения противоположности в лексике), мы рассмотрели различные виды антонимов на материале поэзии Серебряного века, структуру различных оксюморонов, их связь с контекстом, то есть исследовали оксюморон как языковое явление.

Анализ представленного художественного материала показал, что поэты используют самые различные виды антонимов, причем примерно в таком же соотношении по частоте употребления, в каком они встречаются в языке вообще. Большинство зафиксированных в лирических текстах рассматриваемого периода антонимов характеризует качество предмета, пространственные, временные и количественные отношения. Несколько реже употребляются противоположные наименования действий и состояний.

Поэты очень часто и охотно используют контекстуальные антонимы, и в том числе оксюморон, состоящий чаще всего из сочетаний слов различных частей речи. Наиболее распространенные модели в поэзии Серебряного века следующие: «существительное + прилагательное», «существительное + глагол» и «существительное + существительное».

Кроме того, мы обнаружили несколько примеров оксюморона, зафиксированного поэтами на морфологическом (словообразовательном) уровне.

Библиографический список

Ахматова А.А. Лирика / Сост., подг. текста В. Черных. М.: Худ. лит., 1998. 415 с.

Ахматова А.А. Сочинения: В 2 т. / Вст. ст. и общ. ред. Н.Н. Скатова; сост. М.Н. Кралина. В 2 т. М.: Правда, 1990. Т.1–2.

Ахматова А.А. Тайны ремесла / Сост., вст. ст. и прим. Н.З. Вялициной. М.: Сов. Россия, 1985. 144 с.

Бальмонт К. Стихотворения. М.: Книга, 1989. 552 с.

Бердяев Н.А. Русский духовный ренессанс начала XX в. и журнал «Путь»: К десятилетию «Пути» // Путь. 1935. № 49. С. 3–22.

Блок А. В огне и холоде тревог: Избранное. М.: Детская литература, 1980. 431 с.

Блок А. Избранные стихотворения и поэмы. М.: Московский рабочий, 1973. 480 с.

Блок А. Собрание сочинений в 6-ти т. / Вст. ст. Б.И. Соловьева; Коммент. С.А. Небольсина. М.: Правда, 1971. Т.1–6.

Блок А. Сочинения в 2-х т. Стихотворения. Поэмы. Театр. М.: Худ. лит., 1955. Т.1–2.

Брюсов В. Избранное: для учащихся ст. кл. ср. шк. / Сост., авт. предисл., примеч. М.А. Шаповалов. М.: Просвещение, 1991. 336 с.

Гумилев Н.С. Избранное / Сост., вст. ст., примеч. А.А. Смирновой. М.: Сов. Россия, 1989. 496 с.

Есенин С. Стихотворения. Поэмы / Под ред. А.Б. Тимофеева. Мурманск: Мурманское книжн. изд., 1968. 319 с.

Есенин С.А. Несказанное, синее, нежное...: Стихи и поэмы. Элиста: Калмыцкое книжн. изд., 1978. 154 с.

Есенин С.А. Собрание сочинений: в 2-х т.: Стихотворения. Поэмы. Проза. Статьи. Письма / Слово о поэте Ю.В. Бондарева, сост., вст. ст. и ком. Ю.Л. Прокушева. М.: Сов. Россия: Современник, 1991. Т.1–2.

Касаткин Л.Л., Клобуков Е.В., Лекант П.А. Краткий справочник по современному русскому языку / Под ред. П.А. Леканта. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1995. 382 с.

Мандельштам О. Э. Выпад // Мандельштам О. Э. Слово и культура: Статьи. М.: Советский писатель, 1987а. С. 44–47.

Мандельштам О.Э. Из неопубликованной книги «Новые стихи» // Юность. 1987б. № 9. С. 75–77.

Маяковский В. Хорошо!: Поэмы и стихотворения / Сост. и предисл. В.О. Перцова; комм. Н.А. Дымшиц. Киев: Изд. дет. лит. «Веселка», 1977. 373 с.

Маяковский В.В. Стихотворения / Сост., предисл. Е.А. Евтушенко. М.: Мол. гвардия, 1988. 141 с.

Новиков Л.А. Антонимия в русском языке: Семантический анализ противоположности в лексике. М.: Изд-во МГУ, 1973. 290 с.

Новиков Л.А. Русская антонимия и ее лексикографическое описание // Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка. 3-е изд. М.: Русский язык, 1985. С. 5–30.

Северянин И. Стихотворения / Сост. и предисл. В. Грекова. М.: Мол. гвардия, 1990. 237 с.

Северянин И. Классические розы. Медальоны. Забытая книга / Вст. ст. Ю. Бабиной; Сост. В. Кошелева. М.: Худ. лит., 1991. 222 с.

Серебряный век русской поэзии / Сост., вст. ст., прим. Н.В. Банникова. М.: Просвещение, 1993. 432 с.

Словарь литературоведческих терминов / Под ред. Н.И. Рябковой [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litobuch.narod.ru/slowarik.html> (дата обращения: 17.09.2023).

Цветаева М. Избранное / Сост., коммент. Л.А. Беловой. М.: Просвещение, 1992. 367 с.

Цветаева М.И. Стихотворения / Сост. и предисл. Г. Седых. М.: Мол. гвардия, 1989. 237 с.

Яшина Е. А. Оксюморон как средство создания алогизма в художественном тексте // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. №5 (3). С. 826–831.

References

- Ahmatova A.A. *Lirika* / Sost., podg. teksta V. Chernyh. M.: Hud. lit., 1998. 415 s.
- Ahmatova A.A. *Sochineniya: V 2 t.* / Vst. st. i obshch. red. N.N. Skatova; sost. M.N. Kralina. V 2 t. M.: Pravda, 1990. T.1 – 2.
- Ahmatova A.A. *Tajny remesla* / Sost., vst. st. i prim. N.Z. V'yalicinoy. M.: Sov. Rossiya, 1985. 144 s.
- Bal'mont K. *Stihotvoreniya*. M.: Kniga, 1989. 552 s.
- Berdyayev N.A. *Russkij duhovnyj renessans nachala XX v. i zhurnal «Put'»: K desyatiletiju «Puti» // Put'. 1935. № 49. S. 3–22.*
- Blok A. *V ogne i holode trevog: Izbrannoe*. M.: Detskaya literatura, 1930. 430 s.
- Blok A. *Izbrannye stihotvoreniya i poemu*. M.: Moskovskij rabochij, 1973. 480 s.
- Blok A. *Sobranie sochinenij v 6-ti t.* / Vst. st. B.I. Solov'eva; Komment. S.A. Nebol'sina. M.: Pravda, 1971. T.1–6.
- Blok A. *Sochineniya v 2-h t. Stihotvoreniya. Poemy*. Teatr. M.: Hud. lit., 1955. T.1–2.
- Bryusov V. *Izbrannoe: Dlya uchashchihsya st. kl. sr. shk.* / Sost., avt. predisl., primech. M.A. Shapovalov. M.: Prosveshchenie, 1991. 336 s.
- Gumilev N.S. *Izbrannoe* / Sost., vst. st., primech. A.A. Smirnovoj. M.: Sov. Rossiya, 1989. 496 s.
- Esenin S. *Stihotvoreniya. Poemy* / Pod red. A.B. Timofeeva. Murmansk: Murmanskoe knizhn. izd., 1968. 319 s.
- Esenin S.A. *Neskazannoe, sinee, neznoe...: Stihi i poemu*. Elista: Kalmyckoe knizhn. izd., 1978. 154 s.
- Esenin S.A. *Sobranie sochinenij: v 2-h t.: Stihotvoreniya. Poemy. Proza. Stat'i. Pis'ma* / Slovo o poete YU.V. Bondareva, sost., vst.st. i kom. YU.L. Prokusheva. M.: Sov. Rossiya: Sovremennik, 1991. T.1–2.
- Kasatkin L.L. i dr. *Kratkij spravochnik po sovr. rus. yazyku* / L.A. Kasatkin, E.V. Klobukov, P.A. Lekant; Pod red. P.A. Lekanta. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Vysshaya shkola, 1995. 382 s.
- Mandel'shtam O. E. *Vypad* // Mandel'shtam O. E. *Slovo i kul'tura: Stat'i*. M.: Sovetskij pisatel', 1987. S. 44–47.
- Mandel'shtam O.E. *Iz neopublikovannoj knigi «Novye stihi» // YUnost'. 1987. № 9. S. 75–77.*
- Mayakovskij V. *Horosho!: Poemy i stihotvoreniya* / Sost. i predisl. V.O. Percova; komm. N.A. Dymshic.- Kiev: Izd. det. lit. «Veselka». 1977. 373 s.
- Mayakovskij V.V. *Stihotvoreniya* / Sost., predisl. E.A. Evtushenko. M.: Mol. gvardiya, 1988. 141 s.
- Novikov L.A. *Antonimiya v russkom yazyke: Semanticheskij analiz protivopolozhnosti v leksike*. M.: Izd-vo MGU, 1973. 290 s.
- Novikov L.A. *Russkaya antonimiya i ee leksikograficheskoe opisanie* // L'vov M.R. *Slovar' antonimov russkogo yazyka*. 3-e izd. M.: Russkij yazyk, 1985. S. 5–30.

Severyanin I. Stihotvoreniya / Sost. i predisl. V. Grekova. M.: Mol. gvardiya, 1990. 237 s.

Severyanin I. Klassicheskie rozy. Medal'ony. Zabytaya kniga / Vst. st. YU. Babichevoj; Sost. V. Kosheleva. M.: Hud. lit., 1991. 222 s.

Serebryanyj vek russkoj poezii / Sost., vst. st., prim. N.V. Bannikova. M.: Prosveshchenie, 1993. 432 s.

Slovar' literaturovedcheskih terminov / pod red. N.I. Ryabkovej [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.litobuch.narod.ru/slovarik.html> (data obrashcheniya: 17.11.2021).

Cvetaeva M. Izbrannoe / Sost., komment. L.A. Belovoj. M.: Prosveshchenie, 1992. 367 s.

Cvetaeva M.I. Stihotvoreniya / Sost. i predisl. G. Sedyh. M.: Mol. gvardiya, 1989. 237 s.

YAshina E. A. Oksymoron kak sredstvo sozdaniya alogizma v hudozhestvennom tekste // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. 2010. T. 12. №5 (3). S. 826–831.